

- Как проходит Пир, брат? - спросил аптекарий Эзраки, стоя в тактическом ораториуме фрегата «Шрам».

Труп-капитан Силом Гедеон стоял на кафедре, украшенной рунными письменами и свитками. Эзраки подошел к капитану, заставив слуг, стоявших у кафедры, расступиться. Правая нога аптекария была полностью бионической и почти такой же старой, как и сам Эзраки. Каждый его шаг сопровождался шипением гидравлики, а задержка в миллисекунду между реакциями плоти и протеза со стороны казалось похожей на легкую хромоту.

- Пир Мечей проходит плохо, - с сожалением произнес труп-капитан. - По крайней мере, для Сдирателей.

- Сколько? - спросил аптекарий.

- Слишком много, - рявкнул Гедеон, проведя ладонью по своей гладковыбритой голове. Он схватился за волосы, которые росли словно корона на его черепе.

- Мы потеряли еще троих утром, в боях с нашими кузенами. Оккам, Васраил и Ябес. Оккам сражался хорошо, но не слишком хорошо. Я думал, Ябес мертв. Не думаю, что кто-то сможет остановить этого Багрового Кулака. У них есть все шансы выиграть состязание.

- Брат Ябес будет жить, - заверил его Эзраки. - Пока.

Казалось, Гедеон не слушал старого аптекария.

- Позор за позором, - произнес труп-капитан. - Наше поражение на Пире связано с потерей священного стяга Ордена. Я чувствую это.

- Твоя голова полна яда санктиарха Бальтазара. Я почитаю примарха, но Дорн живет в нашей плоти и крови, а не в пыльных артефактах, - настаивал Эзраки. - Потеря нашего стяга - значимая утрата, но, по правде говоря, это всего лишь кроваво-красное полотно.

- Рогал Дорн лично вручил этот стяг своим сынам, нашим братьям Сдирателям, десять тысяч лет назад, - произнес труп-капитан. - Он являет собой свидетельство учреждения Второго Основания и олицетворял нашу честь и гордость на протяжении всей долгой и кровавой истории Ордена. Этот артефакт выделяет нас как Астартес Презис и служит свидетельством нашей службы по охране Окулярис Террибус. На нем изображен Стигмученик - эмблема Ордена.

Гедеон повернулся, чтобы показать символ на его наплечнике, о котором он говорил: кулак в перчатке, сжимающий молнию.

- Это не просто «красная тряпка», как ты выразился, аптекарий, и я буду и в будущем

напоминать тебе об этом.

- Я не желал оскорбить тебя, труп-капитан, - спокойно ответил Эзраки, хлопнув по адамантиевому бедру. - Ты прекрасно знаешь, что немало и моей крови было пролито под этим стягом.

- Наши братья сражаются за утраченную честь, - продолжил корпус-капитан, не обращая внимание на Эзраки. - Мы прокляты. Храбрость, дарованная Императором, покинула нашего брата, потерявшего стяг, и его бесчестье распространилось на всех нас. Это наше коллективное наказание.

- Разве не это - наш путь? - не сдавался Эзраки. - Разве не Сдиратели ощущают потерю Императора больше, чем остальные сыны Дорна? Разве не Сдиратели знают истинную печаль примарха, агонию его возмездия и холодную ярость его возрождения? Разве не мы уничтожаем его слабость в наших сердцах, сдирая плоть на Ритуале Бичевания и одевая Мантию Дорна?

- Это не относится к нашим грехам, - безучастно произнес Гедеон. - Потеря священной первой роты. Почти удавшееся убийство нашего магистра. Почти полное уничтожение пятой роты, сто лет издевательств, пока она будет восстанавливаться под неодобрительные перешептывания наших кузенов. Духовное наказание за потерю дара Дорна. Все это - гвозди в гроб чести Адептус Астартес.

- Мы потеряли великий символ, - признал Эзраки, - но не то, что он символизирует. Эти идеалы живут в сердцах Сдирателей, держащих мечи во имя Императора. И они доказывают это сейчас, участвуя в Пире Мечей.

- Мечи, обнаженные в неверии, и вкладываемые в ножны при каждом провале, - угрюмо произнес труп-капитан.

- Неужели наше присутствие на Пире так безнадежно?

- Я надеюсь на Узахара и брата Датана. Узахар - плоть отделения и ветеран. Датан - юн, но быстр и опытен в обращении мечом.

- Значит, все же есть надежда, - произнес Эзраки.

- Узахар выступит против Кнуда Хэгстада из Железных Рыцарей, а юный Датан будет биться с чемпионом Пуха, - сообщил Гедеон. - Нелегко скрещивать мечи с теми, кто избран носить цвета легиона. Но здесь, на мире, завоеванном первой ротой, Кулаки защищают свой титул... Мне сложно просчитать наши шансы. Даже если они победят, им придется встретиться с проклятым Багровым Кулаком в следующем раунде. И здесь наши шансы приближаются к нулю.

- Значит, - произнес Эзраки, - время настало.

- Я сам выйду на арену, но это лишь докажет отчаяние наших братьев.

- У тебя нет выбора. Отдай приказ, позволь мне выпустить Кнута, - настаивал аптекарий.

- Я никогда не позволю этого, - прорычал Гедеон. – Он проклят. Сам Дорн покарал бы его, будь он жив. Пусть он сгниет, мне все равно. Тьма – его удел, и я не избавлю его от агонии.

Тьма заняла мое место. Я никогда не был внутри нее, но я хорошо знаю тьму. Разум и тело заполняются драйвом. Что-то, не относящееся к генетическому наследию, обрядам посвящения в Орден и усиленным чувствам, ревет в моих венах. И этот момент кажется самым живым и естественным за всю мою жизнь. Каждая молекула моего естества посвящена этому процессу. Тьма окружает меня, отгораживая от реального мира. Все: от стен до пола – словно накрыто пеленой. Я пытаюсь сосредоточиться, но все, на чем я останавливаю взгляд, превращается в орущую тень. Я гадаю о лабиринте кошмаров этого места, держа оружие в руке. Которое жаждет и окрашено не моей кровью. Братья, погибшие и живые, сражаются вокруг меня. Стрельба. Смерть. Я слышу отдаленные крики боли. Я не могу расслышать слова, но знаю, что они пропитаны ядом и спокойным благоразумием. Звон стали наполнил воздух, лишь шум болтерного огня прерывал его. Я - на поле, окутанном дымом. Забираюсь на вражеский транспорт, неся духовность в мир демонов. Каждая моя битва пролетает одна за другой. Смерть и враги. Цвета разрушения меркнут, пока не остается лишь чернота. Мои сердца колотятся в унисон. Я бегу. От страха, но не за себя. Пустота тьмы готова поглотить мою душу. Кровь растекается по телу. Меня ждет битва. Я дрожу, но не от страха, а от ожидания. Я воин до последней молекулы моего тела. Я был создан убивать за что-то, что важнее, чем я, служить Всеотцу мечом, болтом – до последнего вздоха.

Я живу за братьев, жизнь которых я прервал. Их тела раскиданы по руинам, одно на другом, а я стою на самом пике этой кучи. Могучие братья лежат раздавленными и изогнутыми телами. Их божественная плоть безмолвна. Братоубийство закончилось. Колокол битвы завис над их телами. Их оружие украшает меняющуюся поверхность. Как и мое. Злой рок настиг меня. Боль и чувство утраты такие четкие, что моя душа разрывается на части. Словно ужасающая туманность, прорвавшаяся сквозь историю галактики и мою собственную, Тьма настигла меня. В какой-то момент в пустоте возник свет. Император Человечества здесь, со мной, в этом безнадежном месте. Его присутствие и наследие – маяк в темноте. Лишенный сил, смотрю на него. Я иду навстречу его мощи. Колеблясь. Будучи в неведении. Словно ребенок. Момент накрывает меня, и слезы градом текут по моим измазаным в крови щекам. Затем звезда в прекрасное, но короткое и грустное мгновение, исчезает, маяк растворяется. Я падаю на колени и плачу, не в силах сдержать эмоции и что-либо изменить. Звезда исчезла. Свет пропал. На его месте – мертвая пустота, сотрясаемая ударной волной, вызванной взрывом. Все, что осталось – глубокая печаль сироты-ангела. Мои сердца чувствуют его бессмертную грусть. Рогал Дорн. Утрата моего отца. Моя утрата – его утрата. Я чувствую то же, что и он, когда стоял перед Императором. Я знаю его страх и страдание. Этот момент сомнения и ужасающая возможность становятся моим вечным проклятием. Оно пронизывает меня своим отчаянием. Я ухожу глубоко в себя и нахожу там безграничную тьму. Империи без Императора. Человечество без отца. Бесконечность без направления. Тьма Дорна. Я реву в отрицании, словно младенец, которого только что достали из утробы. Я падаю на колени. Холод обволакивает меня. Я дрожу. Я знаю только страх и ярость в пустом космосе, свободном от

ответов. Передо мной фигура. Я не видел ее прежде. Она здесь и в то же время не здесь. Бронированная тень, появившаяся из тьмы и выделяющаяся на фоне пустоты. В отличие от мрачного окружения или Императора, его присутствие затмевается его собственным превосходством. Шаги пришельца медленные и размеренные, и он идет ко мне. Угроза, как и его размеры, увеличивается. Союзник? Враг? В них нет недостатка на поле брани. Я стою на коленях, так как мои ноги стали частью поля. Мой разум заполнен печалью. Я наблюдаю. Я – в отчаянии.

Призрак приближается. Его броня – цвета самой черной ночи. Каждый ботинок окутан призрачным пламенем. Я смотрю на эти раскаленные шаги по покрытому льдом металлу палубы. Фигура останавливается и смотрит на меня. Передо мной Ангел Смерти. Брат извне. Лишенная символов ордена, броня похожа на могилу, кошмар из ребер и костей, скелет на поверхности священной брони. Лицевой щиток шлема смят, отсутствует кусок керамики. Бело-синяя часть черепа смотрит на меня. Блестит штифт за безупречную службу. В пустых глазницах – неестественное пламя. Безупречные зубы, злобно стучащие в унисон.

- Что ты? – вопрошаю я, собрав все свое мужество.

Незнакомец молчит, но вытягивает вперед перчатку цвета ворона. Кость виднеется сквозь дыру в районе пальца. Я с ужасом наблюдаю, как перчатка приближается к моему лицу. Она трогает меня. И я кричу.

Труп-капитан Гедеон ступил на пол каменного коридора. Закрыв за собой дверь, Сдиратель расправил свои широкие плечи и прислонился к холодному металлу двери. Гедеон слушал звон клинков, раздававшийся с арены и отражавшийся от доспехов офицеров Адептус Астартес, стоящих за оградой. Апотекарий Эзраки подошел к капитану. Он вытер кровь с рук хирургическим полотенцем и взглянул на корпус-капитана.

- Узахар?

- Порезан по самые ребра, - ответил апотекарий, его голос гулом отдавался от стен подземелья.
- Он будет больше похож на куклу с кучей швов, чем на человека, когда я закончу.

Гедеон повернул голову и прислонил ухо к металлической двери. Звон клинков стих. Судья вынес решение. Даже стоя за дверью, корпус-капитан понял, что Датан проиграл.

- Еще один пациент для тебя, - произнес Гедеон, повернувшись к пожилому апотекарию.

Стирая кровь, Эзраки посмотрел в глаза капитана.

- Труп-капитан...

- Я знаю, - произнес Гедеон, признавая неизбежное. - Я бы не сделал этого, если бы мы не

проигрывали в самом начале. Я не могу вернуться ни с чем на Эскару. Я обещал магистру Ишабоду победу, чтобы воодушевить наших братьев в эти темные времена. Я не могу вернуться с пустыми руками и сердцами. Новости о нашей неудаче завершат дело, начатое Альфа Легионом. Я думаю, что разочарование добьет его, Эзраки.

Апотекарий покачал головой.

- Кезия Ишабод – величайший Сдиратель в истории Ордена. Этим бронированным змеям Альфа Легиона повезло, но даже они, своей ложью и проклятыми приемами, не отнимут его у нас. К тому же, он сейчас на Эскаре, с нашим лучшим медиком, верховным апотекарием.

- Я не смогу смотреть в глаза нашему магистру и говорить, что я сделал все, что было в моей власти, чтобы обеспечить победу, которую я потерял.

Гедеон принял решение.

- Я надеялся, что до этого не дойдет. Девять из десяти Сдирателей сражались за свой Орден. Только Дорн знает, зачем магистр Ишабод настоял на его включении в группу, но лишь я теперь могу принять это решение. Способен ли Кнут сражаться?

- Я думаю, да. Мы чисты сердцами, но не кровью. Как часть бывшего легиона, а теперь Ордена, мы не одиноки в генетических отклонениях. Волки и Ангелы, также как и наши кузены из более поздних Оснований, несут бремя своего наследия, – пояснил апотекарий Сдирателей. – Когда Тьма накрывает одного из наших, может показаться, что жертва становится беспомощной: вялая челюсть, дрожь в конечностях, чернота в глазах. Но те, кто выживают, рассказывают о живых кошмарах, бессонница, в течение которой они постигают глубину самого печального бремени Дорна – потеря отца-Императора. Это – как генетическое благословение нашего отца, так и его проклятие своим сыновьям. Познать возможность, даже на секунду, существования Империи без Императора. Почувствовать то, что чувствовал Дорн. Кошмар примарха. Парализующий страх, окутавший даже самого великого из нас, когда он склонился над поверженным телом Императора. Почувствовать Тьму.

- Эти детали имеют мало значения для меня, апотекарий, – произнес Гедеон. – Адептус Астартес рождены для битвы. Они существуют, чтобы отомстить за Императора, и предать мечу врагов человечества. Мне нужны воины, а не мечтатели. Какова бы не была причина, такое поведение недостойно нашего брата. Если бы это был я, то предпочел бы, чтобы мои братья прервали это жалкое существование.

- Тьма может обрушиться на любого из нас в любой момент, корпус-капитан, и я всегда держу эту мысль в голове, – ответил Эзраки. – Пока мы спорим о таких вещах, позволь уведомить тебя, что процедура, которую я собираюсь применить – еще не опробована, и жизнь нашего брата окажется под вопросом.

- Я не слишком расстроюсь по этому поводу.

- Как я и полагал, - произнес аптекарий. - Я говорю тебе это, чтобы ты проинформировал наших братьев о своей стратегии. Ты знаешь, что, возможно, его страдания, повлекшие потерю стяга Ордена, отнюдь не из-за ошибки, а по причине воздействия Тьмы.

- Что мне с этого? - рявкнул Гедеон. - Он подвел своего примарха. Он подвел своего магистра ордена. Он подвел всех нас. Единственное, что меня сейчас волнует - смогу ли я найти применение этим предательским рукам. Что ты будешь делать, и как много времени тебе понадобится?

- У санктиарха Бальтазара свои способы, - ответил Эзраки. - Духовное лечение тех, кого накрыла Тьма, неважно, выживут они или нет. Хотя я и уважаю значение практики санктиарха, а также ритуальную специфику культа нашего Ордена, мой метод сравнительно прост.

Аптекарий указал на точку на затылке своей головы, где тонкая линия волос, популярная в Ордене, пересекалась с выбритой макушкой.

- Каталептический узел в стволе мозга. Имплантат отвечает за изменение суточного биоритма, иными словами - за наш сон и продолжительные периоды бодрствования. Возможно, неправильно функционирующий узел повлек за собой потерю управления моторикой и вызвал «кошмары на яву». Я собираюсь просверлить дыру в кости и вставить в мозг гиподермический световой зонд. Таким образом я вызову шок в каталептическом узле, и надеюсь, прерву воздействие Тьмы и восстановлю нормальное функционирование имплантата.

- Звучит болезненно.

- Безусловно.

- Хорошо, - произнес труп-капитан. - Когда закончишь с Узахаром и Датаном, возвращайся на «Шрам». Скоро начнутся обряды битвы для следующего раунда. Пир Мечей не будет ждать. Сообщи, если твой эксперимент завершится удачно. Я также должен уведомить собравшихся, что наш падший брат снова подвел нас.

- Как ты объяснишь неудачу?

- Смерть в бреду или обычная смерть, - произнес Гедеон вслед уходящему аптекарию. - Мне все равно, если дело касается Захарии Керша.

- Все ли готово?

- Да, мой господин.

Аптекарий Эзраки спустился по рампе в грузовой отсек фригата «Шрам». Его ноздри пылали. Они находились в глубинных недрах корабля. Аптекарий предпочел бы более удобное

расположение для этой процедуры, но его братья явно не будут рады присутствию Кнута. Ящики и канистры были убраны из середины отсека, чтобы освободить место для операции. Здесь же стоял декоративный ларец, привезенный из священного реклюзиума санктиарха Бальтазара. Сделанный из адаманта, ларец, по своим размерам, был похож на саркофаг. На лицевой части был изображен Император, несмотря на то, что ларец находился в стоячем положении, Император изображался поверженным в битве с Гором. Это был вариант санктиарха для решения проблемы с Тьмой. С его собственной тьмой. И этот гроб располагался там, где другие Сдиратели не смогут наблюдать за слабостью капеллана. В изголовье саркофага располагалась решетка для исповедей. По левую сторону от Эзраки располагались его помощники, облаченные в рясы с символом «прим хеликс». Они отвечали за инструменты и сверло, кончик которого был направлен в решетку саркофага. На противоположной стороне стояли слуги Кнута, их лица были полны печали. С момента бесчестия их господина, сервы также переместились в грузовой отсек, и теперь вся их активность, включая походы в туалет, происходила в крошечной тьме, рядом с саркофагом, в котором лежал поверженный Керш. Их было трое. Старый Енох был сенешалем Кнута. Он постоянно смазывал плетью, что-то бормоча себе под нос. Он был организатором и свидетелем ритуального бичевания своего господина. Его сын, Орен, вытирал шваброй пол вокруг саркофага, на котором периодически возникала лужа экскрементов. Он был ликтором. Орен был похож на борца с широкой грудью и огромными руками, и его обязанностью было проведение обряда «очищения». Его отец следил за ритуалом, глаза старика горели разочарованием от того, что Орен мог довольствоваться лишь жизнью простого смертного. Дочь Еноха, Вефесда, ухаживала за телом Кнута. Будучи худощавым и угрюмым ребенком, девочка занималась промыванием и уходом за церемониальными порезами Адептуса Астартеса. Обряд Сдирателей, «Облачение в манитию Дорна», подразумевал бичевание спины. Помимо основных обязанностей трое сервов выполняли «особые» задания Кнута – сдирание плоти и очищение от слабости, чтобы тот мог ощущать связь с примархом. Вефесда, через отверстие, читала Кершу молитвы, хотя было непонятно, сколько из этой информации услышал Кнут. Будучи объятами Тьмой, жертвы не могут ни говорить, ни слышать. Они не могут сами питаться или пить, не ощущая связи с внешним миром. Когда внутрь вошел аптекарий, слуги поднялись со своих мест. Вефесда захлопнула книгу. Эзраки успел разглядеть название: "Архитектура Агонии", автор – Деметрий Катафалк. Он хорошо знал эту книгу. Трактат о религиозном страдании, написанный первым магистром Ордена Сдирателей.

- Продолжай молиться, - мягко приказал Эзраки. - Процедура будет не из приятных, и я хотел бы, чтобы наш пациент смог отвлечься на что-нибудь.

Вефесда продолжила читать.

-...Во времена, когда Терра была совсем юной, воины свирепых наций занимались самобичеванием, чтобы доказать свое право называться мужчиной...

- Мы просверлили отверстие в нижней части черепа, мой господин, - сообщил аптекарию один из его слуг.

- Хорошо, - ответил Эзраки, обращаясь ко всем своим помощникам. - Исполняйте свою обязанность.

-...Позже, монашеские ордена Католической церкви признали бичевание формой боевого ритуала...

Казалось, что ужасная процедура никак не влияла на Керша, заточенного в ларец. Кнут оставался безмолвным и спокойным, дрель проходила все глубже и глубже, а по ангару разносился приятный голос Вефесды. Закрепив дрель, один из помощников вставил провод в розетку треноги с силовой установкой. Второй помощник схватил рукоять с активатором.

- Заряд на шесть мегатулов.

-... Древнего столетия. Гено семьдесят шесть, Спартоцид воевал за Императора в Войнах Объединения и Великом крестовом походе. И тогда считалось честью для геномодифицированного офицера получить столько же ударов плетью, сколько получил его солдат, допустивший оплошность под его командованием...

- Запускаю подкожный зонд.

В помещении возник отвратительный, вибрирующий звук. Помощники аптекаря приступили к регулированию дрели.

-... Изначально на борту могучей «Фаланги» было найдено технологическое решение для управления страданиями, и я благодарю своего господина Дорна за предоставленную моим братьям Сдирателям возможность. На родном мире нашего примарха, Инвите, зимы были холодными, а удары плетью – обжигающими. Эти правила применялись в ранней империи Дорна, и наш прародитель лично практиковал бичевание, как часть боевого единения и очищения души...

Посмотрев в глазные отверстия микронокуляров на рукояти дрели, помощник проверил пикт, прежде чем обратиться к аптекарию.

- Мы достигли каталепсического узла, аптекарий.

- Чего вы ждете? – рявкнул Эзраки. – Молитесь Дорну и давайте разряд.

Вефесда закрыла копию огромного тома Кнута и встала на ноги. В помещении воцарилась тишина. Бровь Эзраки начала дергаться.

- Еще раз.

Помощники повторили процедуру. И снова тишина. А затем тишина взорвалась. Звук похожий на далекую ярость, нарастал внутри ларца. Рев был повсюду. Ярость проснувшегося гиганта.

- Снять замки, - приказал Эзраки старому Еноху. - Откройте ящик.

Саркофаг затрясло. Эзраки скривил свои потрескавшиеся от возраста губы. Возможно, Кнут испытывал побочные эффекты ввода зонда. Возможно, процедура вызвала поражение нервной системы. Возможно, воин просто хотел выбраться из ящика.

- Дрель! - вспомнил аптекарий, торопя своих помощников извлечь инструмент из головы Керша.

Ящик завибрировал, и крики ярости превратились в ужасающее крещендо. Саркофаг раскрылся. В помещении снова воцарилась тишина. Из глубин ларца на присутствующих смотрела тьма. Дрожь стихла. Послышалось тяжелое дыхание Кнута. Помощники Эзраки старались изо всех сил поскорее убрать оборудование на безопасное расстояние. Издав животный рев, Захария Керш возник из тьмы саркофага. Он был гол, как и в первый день инициации, пятьсот пятьдесят два года назад. Его борода была грязной и спутанной, а тонзура обросла и покрылась сединой. Лицо Кнута подходило его прозвищу, и было иссечено шрамами. Он унаследовал от Дорна суровую маску лица, под которой горели глаза хищника, в которых, в свою очередь, отражалось обвинение. Керш словно сошел с гравюр, изображавших Деметрия Катафалка, если бы не выделявшиеся сухожилия на правой щеке, часть челюсти и темные губы. Кнут не был высоким воином по меркам Сдирателей, но с лихвой компенсировал этот «недостаток» горой мускулов, наработанных в многочисленных боях, а не на тренировках в гимнастических залах крепости-монастыря. Его плоть была иссечена шрамами и ожогами, полученными за века служения Ордену. Керш напоминал восхищенному аптекарию терранскую античную статую с мускулатурой полубога. Кнут выжил, и, несмотря на вонь и грязь на теле, чемпион избавился от Тьмы. Вefесда подошла к Кершу и стала тереть тряпкой с мылом его огромную спину и широкие плечи. Ткань тут же пропиталась кровью, потом и грязью. Керш пошатнулся и упал на колени. Попытавшись опереться, Сдиратель обнаружил лишь худощавую девушку, вовремя пришедшую на помощь. Опершись своей огромной ручищей о плечо серва, Кнут поднялся на ноги. Свободной рукой он выдернул сверло и зонд из головы и швырнул приспособления на пол, превратив их в осколки. Эзраки колебался, пытаясь сформировать губами приветствие. Он хотел знать, удалось ли ему полностью вернуть своего пациента в сознание. Но Кнут развеял его опасения.

- Держись подальше от моей головы, аптекарий, - рявкнул Захария Керш.

Десантник расслабил плечи к всеобщему облегчению окружавших его сервов, и Эзраки улыбнулся.

- Всегда пожалуйста, брат...

Вefесда пересекла темное помещение и оказалась рядом с койками сервов. Хотя эти койки сложно было называть местом для сна, так как они представляли собой шкафчики, используемые техдесантниками для хранения машинных масел для дальнейшего использования в инжиниариуме. Знак Механикум, нависавший над небольшим храмом, посвященным Омниссии, Старый Енох использовал в качестве стола. Сенешаль был раздет по пояс, оголив сморщенную грудь. Старик аккуратно отложил сосуд с водой и бритвенный нож.

Он покосился в отполированную секцию металла на свое дряхлое тело. Енох заставлял Вefесду полировать этот кусок металла до совершенного блеска. Девушка наполнила сосуд свежей водой. Сенешаль нанес на руку немного масла и стал натирать им свою щеку. Затем он взял лезвие и стал аккуратно сбривать бороду, периодически макая нож в воду. Неся контейнер, Вefесда поравнялась с Ореном, который, перевернув свой шкафчик, использовал его для подтягиваний. Его мясистые руки отрывали тело от земли и вытягивали его вверх. С каждым подтягиванием Орен издавал звук, похожий на свинячье хрюканье. Вefесда наклонилась к своему ящику и еще раз перебрала свою коллекцию пустых банок из-под мази. Она отобрала несколько наполовину использованных свеч.

- Во имя Катафалка, какого черта ты делаешь? – спросил Орен в перерыве между выдохами и вдохами, но Вefесда не отвечала.

Ничего не замечая вокруг, она пыталась зажечь свечи кремниевым стержнем. Орен прекратил подтягиваться и теперь наблюдал за своей сестрой.

- Я спросил, что ты делаешь? Отвечай, когда с тобой разговаривают.

Вefесда улыбнулась.

- Я лишь пытаюсь зажечь свечи.

- Где ты их достала?

- Обменяла у одного из сервов реклюзиама, - призналась девушка.

- И за что же?

- Так, мелочевка.

- Ты тупая грязнуля, - огрызнулся ее брат. – Я имел в виду, зачем?

- Для Кнута, - ответила она. – Отпраздновать его возвращение из Тьмы.

Енох издал звук, похожий на раздражительное ворчание. Орен зло пнул ботинком банки и свечи.

- Нет, здесь ты этого делать не будешь.

Вefесда стала собирать разбросанные свечи.

- Только потому, что он является тем, кем ты не станешь никогда, - прошептала она.

- Что ты сейчас сказала? – рявкнул Орен, его глаза налились кровью, а щеки покраснели.

Он приблизился к ней и угрожающе завис над сгорбленной фигуркой Вефесды. Енох прекратил бриться и что-то пробормотал. Орен не двигался, его грудь бешено вздымалась, а в глазах застыла ярость.

- Однажды, - проговорил он сквозь стиснутые зубы, - я хотел стать ангелом Императора и вырваться из этого болота. Но затем я понял, что в сто раз лучше служить единственному воину – Кнуту. Сдирателю, которому нет равных. Но сейчас все изменилось. Наш господин – фальшивый пророк. Падший ангел. Он покрыт кровью его братьев, которых он, возможно, убил сам. Мы наказаны. Тьма поглотила нас всех. Но знай одно, сестра, если бы я был Кнутом, я бы никогда не отдал бы Штигмартир так легко.

Из дальнего конца транспортного отсека раздался рев. Полубог требовал внимания. Старый Енох ускорился, стараясь поскорее завершить процесс бриться, а Орен отвернулся от сестры. Сенешаль умыл лицо водой и протер его сухим полотенцем. Он повернулся к Вефесде и одарил ее суровым взглядом. Швырнув ей в лицо полотенце, старик пробормотал слова отвращения и поплелся за Ореном, оставив дочь одну в окружении баночек и свечей.

<http://tl.rulate.ru/book/30591/667496>